

БЛАГОДАРНАЯ ПАМЯТЬ

12 апреля исполняется 105 лет Канышу Имантаевичу Сатпаеву. Имя, которое не нуждается в представлении. Кто такой Сатпаев, сегодня знают не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами. Накануне юбилея своими воспоминаниями об отце поделилась старшая дочь доктор медицинских наук Ханиса Канышевна САТПАЕВА.

«Второе рождение Сатпаева»

Сейчас не проходит ни одного дня, чтобы кто-то или что-то не напомнило мне об отце. То позвонят те, кому посчастливилось знать его лично, учиться у него или по его трудам геологии, то услышу о нем по радио, телевидению, прочитаю в газетах или журналах. Выходят воспоминания его современников, и в них обязательно упоминается имя отца. В Казахском национальном техническом университете им. К. Сатпаева ведется специальный курс «Сатпаевоведение». Можно сказать, что произошло «второе рождение» Сатпаева, и этим, я считаю, мы обязаны Нурсултану Абишевичу Назарбаеву.

Когда готовились отметить столетний юбилей отца, Президент сказал в своем выступлении: «Я думаю, что К. И. Сатпаев — один из великих людей не только бывшего Советского Союза, но и уходящего века, который своим гением, своим трудом практически создал и возглавил школу геологов Казахстана и оказал огромное влияние на развитие геологической науки. На такой высокий уровень от Казахстана, от казахов еще никто не поднимался».

Когда в Алматы возле Казахского национального технического университета открывался памятник К. Сатпаеву и выступал наш Президент, я плакала. Памятник очень символичный, он словно призывает молодых людей: идите, впереди вас ждет так много интересного! Замечательно прошел юбилей в Баян-Ауле, где папа родился, а также во многих городах Казахстана, дальнего и ближнего зарубежья. И после этого начался такой всплеск интереса ко всему, что связано с именем Сатпаева! В серии ЖЗЛ вышло второе издание книги «Каныш Сатпаев», ее автор — Медеу Сарсекеев.

Академик Ш. Чокин написал книгу воспоминаний о своем соратнике, много статей посвятил К. Сатпаеву президент фонда его имени К. Салыков. Писали об отце Алексей Брагин, Ильяс Омаров, Евней Букетов, Умирбек Жолдасбеков, Манаш Козыбаев, Валерий Могильницкий и многие другие. Наша семья благодарна людям, которые сохранили светлую память о К. Сатпаеве и хотят поделиться ею. Много было написано об отце его дочерью — Шамшиябайу Канышевской и Меиз Канышевской и его внуками — Нурланом Жармагамбетовым и Газизом Батырбековым. Недавно вышла замечательная книга воспоминаний Таисии Алексеевны Сатпаевой, супруги Каныша Имантаевича. Был снят многосерийный документальный фильм «Каныш Сатпаев. Страницы жизни», режиссером которого стал заслуженный деятель искусств РК Владимир Татенко. 100-летний юбилей К. Сатпаева отмечался на мировом уровне, под эгидой ЮНЕСКО. Во многом это произошло благодаря инициативе Имангали Тасмагамбетова и Владимира Школьника. И во всех проводимых мероприятиях чувствовалась та высота отношения к Сатпаеву, которую задал Глава государства.

Как отца чуть не сделали «националистом»

Историк Л. Я. Гуревич как-то сказал моей дочери Алиме: «Вы можете гордиться вашим дедом! Я пересмотрел все архивные документы — КНБ, партийных органов и так далее — и нигде не встретил ни одного плохого слова, написанного К. Сатпаевым о тех, кто писал на него доносы! Хотя он прекрасно знал, кто это делает и какие «грешки» за ними водились. Никогда! Он просто объяснял, очень достойно, свою точку зрения на сложившуюся ситуацию».

В национализме отца обвинили за книгу «Ер Едіге», которая вышла с его предисловием в 1927 году. Я помню, когда мы жили в Карсакапае, она была у нас дома, обложка такая яркая, лазоревая цвета. Этот эпос, записанный в свое время Ч. Валихановым и профессором П. Мелиоранским, отец, будучи студентом Томского технологического института, восстановил по первоисточникам, так как в более поздние варианты закралось много чужих, не свойственных казахскому языку слов, и были упущены некоторые эпизоды сказания. Устным народным творчеством казахов он увлекся, когда, находясь в должности народного судьи Баян-Аульского района, часто и подолгу бывал в степи, где и услышал сказание об Едіге.

Книга была выпущена Центральным издательством дружбы народов под руководством Луначарского, но и это обстоятельство не спасло отца от обвинений в «национализме». В 1951 году одного из историков даже специально отправили в Семипалатинск искать эту книгу — мол, в ней Сатпаев восхваляет Кенесары. И отец писал по этому поводу объяснительные Сталину, Суслову, Шаяхметову. В письме Сталину цитирую свои студентам: «Должен отметить, что все эти мои занятия, как по составлению учебника алгебры на казахском языке для средней школы, так и по изучению материала казахского фольклора, не отражались сколько-нибудь отрицательно на успеваемости в технологическом институте — я в те годы, будучи молодым, просто трудился несколько больше, чем это требовалось от рядового студента».

Тогда его сняли с должности президента Академии наук Казахской ССР и хотели посадить еще в 37-м году, когда режим расправился со всей научно-инженерной элитой страны. Но судьба всегда вводила его от беды. От одного ареста его спас первый секретарь ЦК Компартии республики Левон Исаевич Мирзоян. Он сказал: «Что требовать от этого молодого человека? Ходит по степи, что-то ищет, у него здесь семья, какой он агент иностранной разведки? Не трогайте его!». А несколько месяцев спустя арестовали самого Мирзояна. В другой раз за отца заступился местный начальник НКВД, который знал, что у отца большая семья, живут дети репрессированного брата, а сам он, кроме работы, ничего не знает.

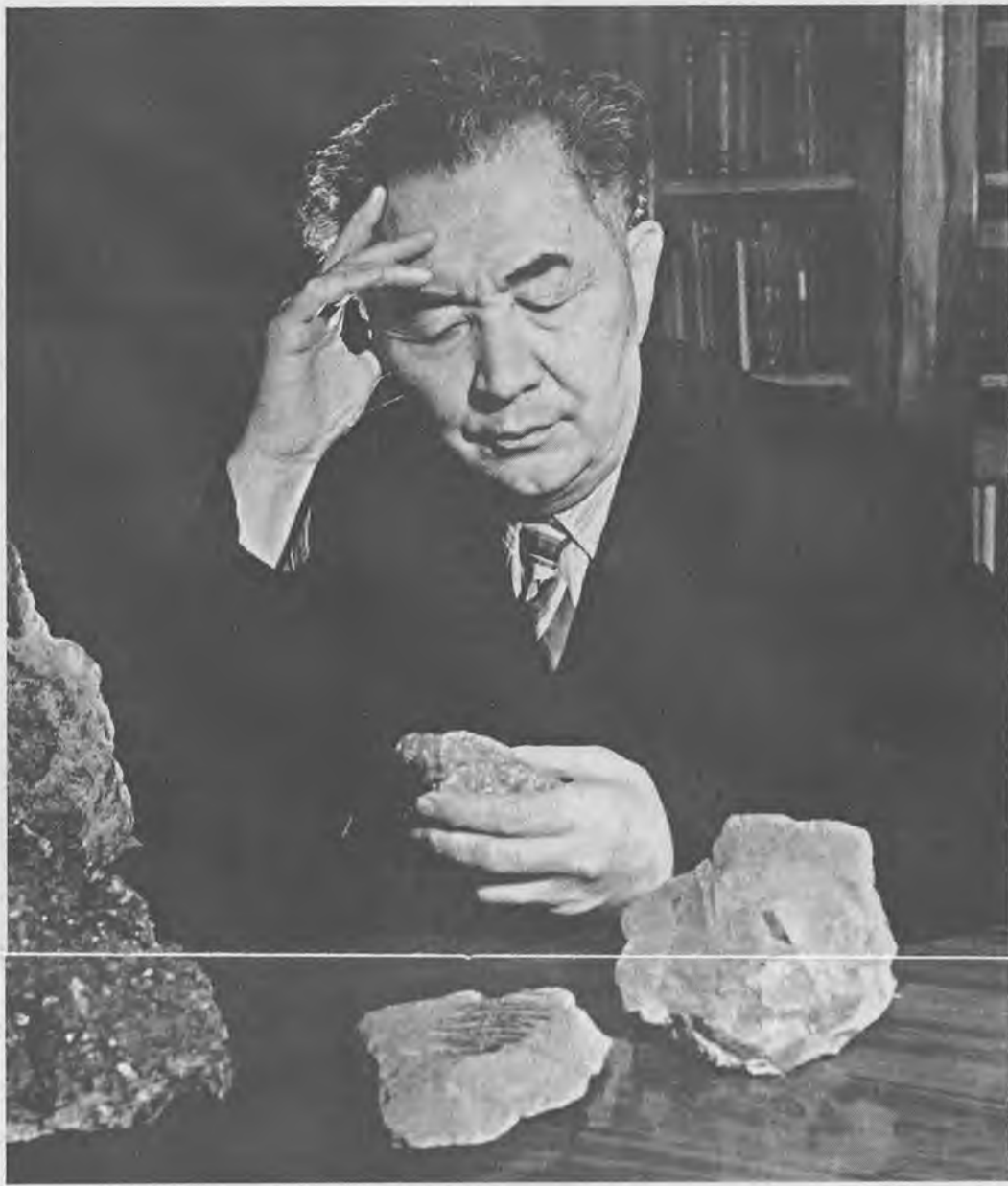

ФОТО ИЗ АРХИВА

Два месяца после снятия с президентской должности папа не работал. Его звали в Москву, предлагали большую должность, но он отказался. И дома у нас, я помню, никогда не говорилось о том, кто на него написал донос. Только когда он ушел из жизни, мама мне все рассказала. А так мы только и слышали от него: «Все нормально!». Отец вообще был очень выдержанный, интеллигентный, тактичный человек. У нас в семье всегда жило много родни, особенно в послевоенные трудные годы, и он помогал всем. Никогда не повышал голоса на детей. Меня он всегда называл «крошка», даже когда я уже замужняя была. Он очень радовался сначала нашим успехам, а потом успехам внуков.

Для него были все равны

Для него не было делений, кто какого происхождения, роду-племени, хотя все обычаи казахские он прекрасно знал. Помню, когда мы жили в Карсакапае, приехал какой-то дедушка и говорит мне: «Я брат Каныша Сатпаева, хочу его видеть». А папа на работе, бабушка меня зовет: «Ханисуша, иди поговори с гостем». Он меня спрашивает, называет родню — я никого из них не знаю. В семь лет уехала из аула, что могла помнить? Он на меня рукой так махнул: «А, ты казашка или нет?» — и стал ждать папу. Тот пришел, они обнялись,

спрашивает: «А где Сатпаев?». И когда узнал, что того уже нет в живых, заплакал. Оказалось, что он вместе с другими военнопленными строил нашу академию, а Каныш Имантаевич всегда приходил к ним поговорить, угощал их папиросами. И когда этот японец (он после войны жил в каком-то маленьком канадском селе) услышал, что сюда приехала делегация из Казахстана, то приехал «поговорить с Сатпаевым».

У отца была любимая пословица: «Енбегі көптің, енбегі көп», — на русский она переводится: «Упорный труд дает хорошие плоды». Помню, о нем в журнале «Наука и техника» опубликовали статью, и внизу на казахском языке — эта пословица. Это было принципом его жизни, работал он очень много. Придет с работы уставший, пообедает, немного отдохнет и идет в кабинет — снова работать. А во время войны они пропадали в академии до поздней ночи. Тогда их развозили на бричках, автомобилей не было, слышу, среди ночи копытами по дороге «цок, цок», значит, папа с работы вернулся. А утром опять на работу. И никогда ни на кого не роптал, никого не ругал — ни сотрудников, ни домочадцев.

Когда семья переехала из Карсакапа в Алма-Ату, отец возглавлял геологический институт, руководил всей геологической службой республики. Он заложил первый камень в здание Национальной академии наук Казахстана, это было его детищем. Ш. Чокин, который позже возглавил НАН, рассказывал, что, когда в Канаде проводилась международная выставка, к нему на прием пришел какой-то японец. Вошел, остановился и

спрашивает: «А где Сатпаев?». И когда узнал, что того уже нет в живых, заплакал. Оказалось, что он вместе с другими военнопленными строил нашу академию, а Каныш Имантаевич всегда приходил к ним поговорить, угощал их папиросами. И когда этот японец (он после войны жил в каком-то маленьком канадском селе) услышал, что сюда приехала делегация из Казахстана, то приехал «поговорить с Сатпаевым».

У отца была любимая пословица: «Енбегі көптің, енбегі көп», — на русский она переводится: «Упорный труд дает хорошие плоды». Помню, о нем в журнале «Наука и техника» опубликовали статью, и внизу на казахском языке — эта пословица. Это было принципом его жизни, работал он очень много. Придет с работы уставший, пообедает, немного отдохнет и идет в кабинет — снова работать. А во время войны они пропадали в академии до поздней ночи. Тогда их развозили на бричках, автомобилей не было, слышу, среди ночи копытами по дороге «цок, цок», значит, папа с работы вернулся. А утром опять на работу. И никогда ни на кого не роптал, никого не ругал — ни сотрудников, ни домочадцев.

Две мамы

Я благодарна судьбе, что у меня две мамы было. Мою маму, свою первую жену, он называл ангелом. Ее звали Шарипа Смагуловна

Имантаева. Тем, что я знаю казахский язык, обычаи, я обязана своим маме, дедушке и бабушке. Мама объединяла всю нашу родню. Она жила в Омске, в большой семье папиного брата, которого репрессировали в 37-м году. И с ней всегда все советовались, потому что она была остовом семьи. Папа всегда говорил, что она своим умом, энергией и трудом спасла, сохранила там всю нашу родню. Когда папа получил Сталинскую премию, он практически всю ее отдал в фонд обороны, а оставшееся, тысяч двадцать что ли, отправил в Омск — там же дети, старики... На каникулы он меня сам отвозил в Омск, потом забирал домой, в Карсакапай, где я училась в школе. У нас были замечательные учителя, сосланные сюда из Москвы, Санкт-Петербурга, других российских городов.

Ни от одной, ни от другой мамы я никогда не слышала, да и никто другой не слышал плохого слова друг о друге. Папе повезло, что судьба связала его с такими женщинами. Когда он поехал учиться в Томск, то звал с собой мою маму, а она русского языка не знает, боится, не захотела с ним поехать и осталась дома у дедушки. С Таисией Алексеевной папа вместе учился. Он — обаятельный, умный, активный, в самодеятельности участвует, прекрасно танцует, поет, одна улыбка чего стоит! В него трудно было не влюбиться, так и возникла любовь.

Таисия Алексеевна никогда нас, детей, не делила, очень любила всех внуков. Когда у меня родился первый сын, Адиль, она приходила, чтобы искупать его по казахским обычаям в соленой водичке. Моя бабушка считала, что Адиль родился уже здесь, в Алма-Ате, она себя считала тетушкой всех моих детей. Нурлана, когда он был маленьким, учила считать. Досчитал до 10, молodeц. Давай дальше учить! А он в ответ: «Тетушка, ты что, надо постепенно, постепенно!..» Так это слово потом в семейную шутку и переросло. Папа до последних моментов жизни, там, в Москве, все говорил нам: «Давайте горячку пороть не будем, будем жить по философии нашего Нуреке — «постепенно, постепенно». Он всех так ласково и уважительно называл.

Таисия Алексеевна была очень тактичным и добрым человеком. Родни в доме целая куча, и она всех встретит-приветит, как истинная казашка. Порой про дни рождения своих детей я сама забуду, закутившись на работе, она — никогда. Обязательно пошлет сестренку с подарком, записочкой, пожеланиями. До сих пор помню первую в своей жизни елку, которая была в нашем поселке. Папа с Таисией Алексеевной везли ее аж из Москвы, где были с годовым отчетом. Чтобы успеть к празднику, сбросили ее с самолета, потому что посадочной площадки не было. А когда сами приехали, привезли игрушки к ней. На елку эту в школе все пришли — и взрослые, и дети.

Наши два дома всегда общались. Когда отец ушел из жизни, Правительство выделило помощь, ведь времена трудные были, дефицит. Таисия Алексеевна все разделила пополам и половину послала моей маме, для родни. Вот такое мудрое, цивилизованное решение оказалось у вечного «треугольника». И в результате дети в семье совсем не ощущали дискомфорта, я, например, и к Шарипе Смагуловне, и к Таисии Алексеевне всегда обращалась одинаково: «Мама».

Записала
Наталья ТОДОРОВА